
СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-62-73

Способы выражения сравнительных отношений неравенства в ульчском и других тунгусо-маньчжурских языках

В. А. Горбунова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Применительно к ульчскому языку рассматривается дискуссионный в тунгусо-маньчжуроведении вопрос о возможности выделения степеней сравнения прилагательных как грамматической категории и признания соответствующих форм ключевым компонентом компаративных и суперлативных конструкций. Обзор литературы по ряду тунгусо-маньчжурских языков показывает, что для выражения компаративной и суперлативной семантики по большей части применяется один и тот же набор средств (выделительные суффиксы и наречия меры и степени), однако соотносимость указанных средств с конкретными значениями в ряде языков, включая ульчский, носит слишком нерегулярный характер, чтобы говорить о существовании сложившейся парадигмы. Представляется, что адъективная категория степени сравнения в ульчской грамматической системе является недооформленной, вследствие чего компаративные и суперлативные отношения получают отражение на уровне синтаксической конструкции и, шире, текста.

Ключевые слова

тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, имя прилагательное, степени сравнения, сравнительная степень, превосходная степень, сравнение

Для цитирования

Горбунова В. А. Способы выражения сравнительных отношений неравенства в ульчском и других тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 62–73. DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-62-73

Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages

V. A. Gorbunova

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This paper offers a comprehensive analysis of comparison markers in the Ulch language. The purpose is to introduce novel data with which to create a more complete picture of means of expressing different comparative relations within the inequality group. These data are to be used and serve to establish a perspective on the controversial issue of degrees of comparison in Ulch adjectives and their status in the system. A detailed

© В. А. Горбунова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 4 (iss. 52)

overview of scientific literature on degrees of comparison as a grammatical category in the Tungusic languages is provided, with the data from the Ulch texts placed into a wider context. It is revealed that although numerous languages use analogous elements for denoting comparative and superlative meanings, the degree of regularity in their application differs. Comparative and superlative relations are marked by separate sets of markers in languages such as Even and Evenki, with minimal convergence between the two sets. In other languages, including Ulch, a substantial convergence between the two is evident. The differentiation indicates that the grammatical category of grade of comparison is not uniformly developed across languages, with Ulch exhibiting a less complete formation. The Ulch language demonstrates a strong correlation between context and the differentiation of sentences with varying semantic classifications, even those possessing identical structures. Rather than being conveyed through grammatical forms, the degrees of comparison are expressed on the level of text.

Keywords

Tungusic languages, the Ulch language, adjective, degrees of comparison, comparative forms, superlative forms, comparison

For citation

Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy neravenstva v ul'chskom i drugikh tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Ways of expressing comparative inequality in the Ulch and other Tungusic languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2024, no. 4 (iss. 52), pp. 62–73. (in Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-4-62-73

Введение

В данной статье ставится цель уточнить и дополнить результаты произведенного ранее исследования способов выражения сравнения в ульчском языке [Горбунова 2023]. Расширенного комментария требует, прежде всего, вопрос о средствах выражения отношений неравенства (компаративных и суперлативных, согласно принятой в рамках исследования терминологии), тесно связанный с проблемой границ адъективного словоизменения. Вопрос о наличии у имен прилагательных особых сравнительных форм, а также, в случае выделения соответствующей грамматической категории, о составе связанной с ней парадигмы был и остается полемическим в тунгусоманьчжуроведении. Для того чтобы сделать окончательные выводы о статусе сравнения как явления морфолого-синтаксического или же синтаксического уровня в ульчском языке, в статье осуществляется литературный обзор трудов, посвященных морфологии языков тунгусо-маньчжурской семьи, проводится сравнительный анализ способов выражения сравнения, представленных в этих исследованиях, обобщенная картина сопоставляется с данными, полученными нами для ульчского языка. Кроме того, в целях углубленного описания отдельных морфологических и лексических элементов, регулярно фигурирующих в сравнительных конструкциях, привлекается дополнительная выборка из ульчских текстов, которая позволяет более точно установить их место в языковой системе.

В исследовании, дополнительно к ульчскому, используются материалы эвенского, эвенкийского, нанайского, орокского, ороцкого и удэгейского языков, представленные в существующих грамматиках и в работах последних лет, посвященных структуре и семантике сравнительных конструкций в некоторых из них. Материал из ульчских источников получен методом сплошной выборки из опубликованных текстов [Ангина 1993; Петрова 1936; Суник 1985; Kazama 2003]. При описании и оценке языковых фактов применяются методы компонентного и количественного анализа, а также сравнительно-сопоставительный метод.

В ходе анализа сравнительных конструкций используется терминологическая система, которая была введена в первой части исследования и в рамках которой выделяются следующие компоненты сравнительной ситуации: *предмет сравнения* – лицо, объект или явление, характеристика которого является коммуникативной целью; *стандарт сравнения* – лицо, объект или ситуация, относительно которого оценивается предмет сравнения; *показатель стандарта сравнения* – особый элемент, который указывает на то, что та или иная лексема выступает в конструкции в роли стандарта сравнения; *параметр сравнения* – признак или качество, которым предмет и стандарт обладают в равной или неравной мере и который служит основанием для сравнения; *показатель параметра* – особый элемент, который указывает на то, что та или иная лексема выступает в конструкции в роли параметра сравнения.

Вопрос о сравнительной и превосходной степенях прилагательных в тунгусоманьчжуроведении

В трудах по тунгусоманьчжуроведению можно отметить широкий диапазон различных, часто противоположных точек зрения относительно формообразования в сфере качественных прилагательных. Так, исследователи нанайского языка последовательно отвергают возможность выделения степеней сравнения у прилагательных; об этом пишет Т. И. Петрова [Петрова 1941: 43], развернутое обоснование приводит В. А. Аврорин [Аврорин 1959: 210–212]. Напротив, существование степеней сравнения как грамматической категории у имен прилагательных с определенностью утверждается Б. В. Болдыревым [Болдырев 2007: 393] для эвенкийского языка, В. Д. Лебедевым [Лебедев 1978: 55] и В. И. Цинциус [Цинциус 1947: 114] для эвенского, Л. В. Озолиной для орокского [Озолиня 2007: 214]. В то же время в других работах мы находим не столь однозначные выводы о природе адъективных образований, появляющихся в сравнительных оборотах. Особую позицию относительно словоизменения прилагательного занимает И. В. Кормушин, который говорит о существовании категории «усиленности признака» в удэгейском языке, но при этом отделяет ее от компаративных и суперлативных значений, которые выражаются «без морфологического изменения прилагательного» [Кормушин 1998: 90]. Описывая грамматические свойства прилагательных в орокском языке, В. А. Аврорин и Б. В. Болдырев выделяют, среди прочих, две характеристики качественного разряда, связанные с их способностью «выражать различные степени проявления качественного признака», – предикативное использование в сравнительном обороте и осложнения суффиксальными показателями, однако не соотносят эти два процесса между собой напрямую [Аврорин, Болдырев 2001: 217].

Приведенные различия в выводах обусловлены в меньшей степени расхождениями в грамматических системах и в большей – разницей в подходах к интерпретации языковых фактов. На это указывает и то обстоятельство, что в некоторых случаях противоречивые мнения по обозначенной проблеме представлены в рамках корпуса исследований по одному языку¹. В общем же обзор источников показывает, что схемы построения сравнительных конструкций, применяемые в них синтетические и аналитические средства обнаруживают значительное сходство во всех рассмотренных языках. Мы можем выделить следующие закономерности оформления прилагательных в сравнительных структурах, актуальные для тунгусо-маньчжурской языковой семьи в целом.

1. Для компаративных конструкций характерно заполнение позиции параметра сравнения прилагательными с суффиксами, фонетический состав и значение которых позволяет определить их как аналоги ульчского *-дума / -думэ*: *-тмар / -дымар* в эвенкийском, *-дима / -димэ* в нанайском, *-дума / -думэ* в орокском, *-дима* в удэгейском. Данные суффиксы не являются специализированным средством выражения собственно сравнительных отношений – они активно употребляются в языках и вне сравнительных конструкций в сочетании с основами прилагательных и существительных, выражая семантику выборочности, выделительности.

2. Вне зависимости от того, рассматриваются ли описанные выше образования как формы сравнительной степени или же лексемы-дериваты, исследователи отмечают нерегулярность их появления в компаративных структурах: с лексемами, имеющими в составе суффикс – аналог *-дума / -думэ*, конкурируют простые основы прилагательных без аффиксального оформления. Данная особенность упоминается в работах по эвенскому [Цинциус 1947: 115], нанайскому [Аврорин 1959: 212], орокскому [Петрова 1967: 62], удэгейскому [Сагадайчина 2002: 93–94] языкам. По всей видимости, количественное соотношение первой и второй разновидностей адъективных образований в компаративных конструкциях варьируется от языка к языку; так, Т. И. Петрова выделяет в качестве доминирующего вариант с суффиксом *-дума / -думэ*, а В. А. Аврорин – безаффиксальный вариант.

3. В случае безаффиксального оформления прилагательного – параметра сравнения компаративная семантика передается на синтаксическом уровне особой конструкцией общего вида $N_{\text{Nom}}^{\text{CMPR}} N_{\text{Abi}}^{\text{STAN}} \text{Adj}^{\text{PRM}} V_f$ с некоторыми вариациями по языкам.

¹ О полемике такого рода на материале нанайского см. [Аврорин 1959: 212]. В. Д. Лебедев также приводит описание прилагательных в различных говорах эвенков с неодинаковых позиций в том, что касается статуса и состава грамматической категории степени сравнения [Лебедев 1978: 55, 1982: 51–52].

4. Значительно меньшее единообразие наблюдается в оформлении прилагательных в суперлативных конструкциях. Рассматриваемые языки распадаются на несколько групп, для каждой из которых свойственен свой способ выражения суперлативных отношений: 1) полное отсутствие морфологических и лексических показателей – семантика передается на уровне синтаксической конструкции (удэгейский [Кормушин 1998: 90], нанайский [Петрова 1941: 43]); 2) особые суффиксы превосходной степени в структуре прилагательного-признака (эвенский [Лебедев 1978: 56], эвенкийский [Болдырев 2007: 395]); 3) внедрение в конструкцию наречия, обозначающего высокую степень проявления признака (орокский [Озолия 2007: 251–252], ороцкий [Аврорин, Болдырев 2001: 215]). Также наблюдаются случаи сочетания двух способов внутри одного языка: так, для охотского диалекта эвенского языка В. Д. Лебедев выделяет синтаксический и морфологический способы [Лебедев 1982: 51–52].

5. Если для выражения суперлативных отношений в языке применяются наречия меры и степени, среди них, как правило, выделяется одно, которое появляется в соответствующих конструкциях наиболее регулярно: *зин* для орокского языка [Озолия 2007: 252], *чамай* для эвенского [Лебедев 1982: 52], *чӯ* для ороцкого [Аврорин, Болдырев 2001: 215]. Вместе с тем примеры контекстов, которые приводят исследователи, показывают, что наряду с основной лексемой в этой функции могут выступать и другие (например, *хулэ* для ороцкого).

6. В некоторых языках в суперлативных конструкциях возможно появление суффиксов, ассоциирующихся в первую очередь с компаративными отношениями [Озолия 2007: 215; Петрова 1967: 63], а в компаративных конструкциях – наречий меры и степени, ассоциирующихся прежде всего с суперлативными отношениями [Аврорин 1959: 207]. Ни то, ни другое явление, по всей видимости, не носит универсального характера, однако оказывается характерным для языков, имеющих близкое родство и значительное типологическое сходство с ульчским (орокский, нанайский).

7. Наиболее последовательно (то есть определенным, жестко ограниченным набором синтетических и аналитических средств, каждое из которых закреплено за одним значением, без частотных случаев смешения) степени сравнения выражаются в эвенском и эвенкийском языках – двух крупнейших представителях тунгусо-маньчжурской семьи, обладающих литературным статусом. Отметим, что в эвенском языке аналитическим способом выражения суперлативной семантики является лексема *чамай*, заимствованная из русского языка (< рус. *самый*) и, возможно, появившаяся под влиянием последнего после того, как установилось его доминирующее положение в регионе.

Выделенные для тунгусо-маньчжурской языковой семьи закономерности в выражении сравнительных отношений неравенства, с одной стороны, позволяют сделать вывод о корректности выстроенной нами для ульчского языка системы, несмотря на некоторые свойственные ей противоречивость и избыточность. Подобные языковые факты (наличие конкурирующих форм для передачи одного типа отношений, отсутствие однозначной закреплённости той или иной формы за конкретным значением, неспецифичность используемых средств) отмечаются и в родственных языках. С другой стороны, проведенный анализ ставит перед нами отдельные вопросы, не получившие должного освещения в предшествующем исследовании: можно ли выделить среди наречий меры и степени то, которое используется как основное средство передачи суперлативных отношений, а также насколько значительное место занимает суффикс *-дума / -думэ* как средство выражения сравнительной семантики.

Вопрос о степенях сравнения как грамматической категории в ульчском языке

В результате дополнительного исследования расширенной выборки мы должны сделать ряд уточнений, касающихся функционирования лексических и морфологических единиц в составе сравнительных конструкций.

Если говорить о наречиях меры и степени, следует заключить, что в выделенной нами ранее группе (*чӯ, тэс, бāди, зин-зин, маңга, кэт*) [Горбунова 2023: 292] нет доминирующей лексики, которая могла бы претендовать на роль грамматикализованного показателя той или иной степени сравнения. О. П. Суник приводит наречие *кэт* в качестве адвербиального маркера проявления качества [Суник 1985: 38], однако, по нашим наблюдениям, наречия *чӯ, тэс, бāди* встречаются в составе сравнительных конструкций с не меньшей регулярностью. При этом они мо-

гут применяться при построении как компаративных, так и суперлативных конструкций. Не отмечается также последовательного распределения перечисленных единиц по структурам с разным типом параметра (адъективным и адвербиальным). Кроме того, приведенный список может быть расширен за счет других, менее распространенных наречий, которые выражают сравнительное значение в узком круге контекстов; например, *амба(н)* (см. примеры (2), (3)). Особняком в этой группе стоит наречие *зин-зин*, в семантике которого присутствует элемент предельности ('совсем, до крайности'), что, по всей видимости, позволяет ему фигурировать также и в эквативных конструкциях, например: *Эмдэ хэрэкэ тулутин ум буйу эвхэн – зин-зин тақтау дайлан буйу* [Суник 1985: 144] 'Однажды во двор лягушки один лось пришел – величиной с большой амбар лось' [Там же: 89]. В целом, исходя из разнообразия представленных вариантов, можно предположить, что выбор лексемы для заполнения соответствующей позиции в сравнительной конструкции производится говорящим достаточно свободно – узус не предписывает употребления строго определенных единиц в структурах того или иного типа.

Что касается суффикса *-дума / -думэ*, новые данные показывают, что область его применения оказывается шире, чем предполагалось. В отдельных контекстах данный суффикс оформляет прилагательные, входящие в состав суперлативных конструкций; при этом в структуре также присутствует наречие меры и степени:

(1) *Ум чў нэудумэ эктэ очохани* [Суник 1985: 57].

ум	чў	нэудумэ	эктэ	очо=ха=ни
один	очень	младшая	женщина	остаться=PAST=3SG

'Одна самая младшая женщина осталась' [Там же: 108].

В контексте (1) суффикс *-дума / -думэ* играет ту же роль, что и в рассмотренных ранее компаративных конструкциях – дополнительного морфологического средства выражения сравнительной семантики при основном, реализующемся в виде особой синтаксической структуры. Зеркальность функционирования показателя в двух разных типах конструкций снижает его значимость как средства передачи собственно компаративной семантики.

Обобщим полученные данные о средствах выражения сравнительных отношений, чтобы сделать вывод о месте степени сравнения как языковой категории в ульчском языке. С учетом сказанного выше, если исходить из того, что в ульчской грамматической системе прилагательные обладают категорией степеней сравнения, распределение синтаксических и аналитических форм по категориальным значениям выглядит следующим образом (см. Табл. 1).

Прежде чем давать оценку наполнению данной парадигмы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, следует учитывать тот факт, что категория степени сравнения в целом обладает спецификой, которая в значительной мере отдаляет ее от большинства именных словоизменительных категорий и выводит соответствующую парадигму за рамки узкого определения как «множества словоформ с одинаковым лексическим значением (= с общей основой) и разными грамматическими значениями (= с разными флексиями)» [Плунгян 2000: 116]. Так, А. В. Бондарко причисляет степени сравнения прилагательных к небольшой группе морфологических категорий, которые называет непоследовательно коррелятивными; для них свойственно совмещение словообразования и формообразования [Бондарко 2005: 103]. И. А. Мельчук говорит о ключевой роли в парадигме степени сравнения аналитических форм, которые могут сосуществовать с синтетическими или полностью замещать их, как об особенностях, присущей многим языкам мира [Мельчук 1998: 121]. По мнению А. А. Зализняка, эти две черты – наличие синтетических и аналитических форм в парадигме и нечеткость границы между словообразовательными и словоизменительными значениями формантов – в принципе ставят под сомнение принадлежность степени сравнения к грамматическим категориям прилагательного [Зализняк 1967: 91]. Таким образом, рассматривая систему предполагаемых форм степеней сравнения ульчского языка, мы можем отнести неоднородность элементов в разных ячейках парадигмы и неопределенность функционального статуса суффикса *-дума / -думэ* к проявлениям общих тенденций образования сравнительных и превосходных форм, свойственных естественным языкам.

Таблица 1

Соотношение языковых средств, используемых для выражения степеней сравнения, и передаваемых значений

Table 1

The correspondence between the elements used for expressing various comparison grades and the meanings they can carry

Языковое средство	Положительная степень	Сравнительная степень	Превосходная степень	Прочие значения
∅	+	+	–	–
	<i>Ум зоби мапази, байа мапази бал-диха</i> [Суник 1985: 75] ‘Один бедный старик и богатый старик жили’ [Там же: 129].	<i>Titara bi tawanci hərə ɲənəhəmbi, guci ti tailani tizi-də dain uin bicini</i> [Петрова 1936: 79] ‘После этого я оттуда немного прошел, на той стороне еще больше этой протока была’ [Там же: 92].		
Суффикс -дума / -думэ	–	+	+	Выборочность, выделительность <i>Гэ, асдума зулэси баи зак запин бискэ ти пақа вэрүлзилэн</i> [Суник 1985: 75] ‘Вот жена (букв.: та, которая жена) первая запросто схватила тот шар при его движении’ [Там же: 129].
		<i>Тизи ңэлэчи нэдумэ эқтэ</i> [Суник 1985: 79] ‘Того [медведя] боится младшая женщина’ [Там же: 134].	В сочетании с наречием меры и степени <i>Ум чү нэдумэ эқтэ очохани</i> [Суник 1985: 57] ‘Одна самая младшая женщина осталась’ [Там же: 108].	
Наречия меры и степени <i>бади, чү, маңга, зин-зин, тэс</i> и др.	–	+	+	Элатив <i>Тэс ларги хупити нан’и ансамбльни</i> ‘ Очень интересны выступления фольклорных ансамблей’ [Ангина 2005: 16].
		<i>Тамди ти бим-дэ, эси-лэ амба даи очини</i> [Суник 1985: 61] ‘Так жива да живая, теперь еще большим стал’ [Там же: 113].	<i>Би Булаванду балди-хамби, чу даи нан’и гасандуни</i> ‘Я родился в Булаве, самом большом ульском селе’ [Ангина 2005: 4].	

Во-вторых, нужно иметь в виду, что определенная степень произвольности в применении формантов проявляется и в других областях тунгусо-маньчжурского именного склонения. Эту особенность можно проследить на примере согласовательных адъективных категорий числа и падежа: в языках северной группы оформление прилагательного аффиксами, совпадающими с аффиксами главного существительного, возможно, но происходит нерегулярно [Болдырев 2007: 360; Лебедев 1982: 47]. Другим, еще более ярким примером является категория числа существительного в том виде, в каком она предстает в нанайском и орокском языках. Данная грамматическая категория складывается из оппозиции нулевой формы и формы с особым аффиксом множественности, однако реализуется она только в тех случаях, когда множественность предмета не оказывается «достаточно ясна и без специального оформления» [Аврорин 1959: 140]. В противном же случае значение единичности или множественности передается «преимущественно через контекст... может быть выражено или вообще не выражено языковыми средствами» [Озолина 2013: 104]. Исследователи видят в этой нерегулярности проявление развития соответствующих языковых систем, движения от «отчасти семантической» природы категории в сторону возрастающей грамматикализации. Соответственно, если провести параллель с ульчской категорией степени сравнения, тот факт, что «нулевые» формы прилагательного в компаративных конструкциях преобладают над аффиксальными, с одной стороны, вполне соотносится с описанной выше системой нерегулярного формообразования, с другой же – может служить косвенным указанием на то, что текущая система средств выражения имеет переходный характер.

Возвращаясь к предполагаемой парадигме степеней сравнения прилагательного, мы можем заключить, что даже с приведенными оговорками она едва ли может считаться полноценной. Согласно «Лингвистическому энциклопедическому словарю», определяющими чертами, которые отличают грамматическую категорию, являются «модифицирующий тип категоризирующего признака, его причастность к синтаксису, “обязательность” выбора одного из его значений для (слово)форм из категоризируемой совокупности и наличие регулярного способа его выражения» [ЛЭС 1990: 216]. Несмотря на то, что «каждое из них в отдельности не является ни необходимым, ни достаточным признаком грамматической категории» [Там же], последний представляется ключевым для формирования парадигмы. В ульчской грамматической системе ни один из элементов, дополняющих прилагательное в сравнительных конструкциях, не может быть жестко соотнесен с определенной граммемой, принадлежащей к категории степени сравнения: и наречия меры и степени, и суффикс *-дума / -думэ* могут выступать в качестве показателя как компаратива, так и суперлатива². Это исключает образование «противопоставленных друг другу рядов... форм с однородным содержанием», которые лежат в основе любой грамматической категории [Бондарко 2005: 20].

Таким образом, сравнение в ульчском языке предстает понятийной категорией, грамматикализованное ядро которой не является до конца сформированным; на данном этапе она реализуется в первую очередь посредством слов определенного лексического класса и синтаксических конструкций. Учитывая, что в других языках тунгусо-маньчжурской семьи мы наблюдаем тот же процесс образования грамматической категории степени сравнения на разных этапах, в том числе и завершенным, можно допустить, что в дальнейшем система средств выражения сравнительной семантики будет трансформироваться, обретая большую стройность и перемещаясь в область грамматики. Не исключено, что существенную роль в этом будет играть мощное влияние русского языка, который обладает морфологической категорией степени сравнения и, как отмечали исследователи, стимулирует в морфологии контактных языков ассимиляционные процессы [Озолиня 2013: 113].

Категоризирующий признак градуальности по своей природе оказывается тесно связан как со сравнительной, так и с элативной семантикой³. Эта органическая связь с одной стороны и недооформленность степени сравнения как грамматической категории с другой приводят к тому, что различные типы семантики (элативная, компаративная, суперлативная) получают выражение одним и тем же набором синтаксических и лексических средств. Если ранее, описывая компаративные структуры с позицией стандарта, заполненной существительным / местоимением в инструментальном падеже, мы отмечали, что соответствующая семантика проявляется только на уровне предложения, а не в изолированной грамматической форме, то здесь, чтобы провести дифференциацию между омонимичными конструкциями, необходимо выйти за рамки синтаксической единицы и обратиться к уровню текста.

Роль контекста в выражении суперлативных и компаративных отношений в ульчском языке

В данной части исследования мы рассмотрим несколько контекстов, которые хорошо иллюстрируют, как семантика сравнительных конструкций с амбивалентным оформлением конкретизируется за счет обращения к различным составляющим текста: композиционной структуре фрагмента, анафорическим отсылкам, жанровым ожиданиям.

В контексте (2) фигурирует типичное сочетание «наречие меры и степени + не осложненная суффиксами основа прилагательного»; примечательным, однако, является то, что используется

---

² Специфичным для суперлатива является сочетание этих двух средств, однако рассматривать комплекс «наречие меры и степени + основа прилагательного + суффикс *-дума / -думэ*» как единую форму не представляется возможным ввиду того, что использование упрощенной комбинации «наречие меры и степени + основа прилагательного» гораздо более частотно. Регулярная реализация грамматической формы в подобном усеченном виде не поддается объяснению.

³ По замечанию В. А. Аврорина, сравнение тесно смыкается с элативом и в некотором смысле представляет частный случай последнего. При установлении высокой степени признака какого-либо объекта говорящий имплицитно сопоставляет его с другими объектами соответствующего класса, обладающими тем же признаком, производя оценку относительно некоторого среднего уровня; при сравнении же – эксплицитно соотносит объект сравнения с конкретным представителем этого класса [Аврорин 1959: 207].

малоупотребительное в сравнительных конструкциях наречие *амба(н)* ‘довольно, весьма; очень, чрезвычайно’. Если рассматривать первое предложение изолированно, словосочетание *амба даи* может быть интерпретировано как ‘довольно большой’ или ‘очень большой’: ни в семантике лексемы, ни в синтаксической конструкции, не включающей позицию второго компарата (стандарта), не содержится однозначного указания на то, что производится мыслительная операция сравнения. Однако предложение (3), появляющееся в следующем абзаце и практически дословно повторяющее (2), привносит в восприятие представление о градации: двукратное утверждение того, что субъект обретает определенный признак в неизменной степени, явно избыточно. Соответственно, предложения (2) и (3) создают друг для друга контекст, который проясняет интенции говорящего и создает картину динамического развития ситуации, в которой признак величины, приписываемый субъекту, оценивается в сравнении с его предшествующим состоянием и обнаруживает постепенный рост.

(2) *Ти бим-дэ, эс амба даи очин* [Суник 1985: 61].

ти би=м-дэ эс амба даи о=чи=н
 так быть=PrP-PRТCL теперь довольно большой стать=PAST=3SG
 ‘Так живя да живя, теперь немного подрос (больше стал)’ [Там же: 113].

(3) *Тамди ти бим-дэ, эси-лэ амба даи очини* [Суник 1985: 61].

та=мди ти би=м-дэ эси-лэ амба даи
 делать=CV так быть=PrP-PRТCL теперь-PRТCL довольно большой
 о=чи=ни
 стать=PAST=3SG
 ‘Так живя да живя, теперь еще большим стал’ [Там же: 113].

В некоторых случаях уточнение семантики может осуществляться смешанным способом: одновременно в пределах синтаксической структуры и на уровне текста. Так, у компаративной конструкции (4) наблюдается особый, расширенный состав компонентов: в структуру со стандартным сочетанием прилагательного и наречия *бади* вводится дополнительный элемент – лексема *гучи* ‘еще’, позволяющий определить семантику конструкции как компаративную, а не элативную. Такое открытое указание свидетельствует в пользу того, что с точки зрения говорящего лексема *бади* не соотносится напрямую с выражением компаративного значения, обнаруживает функциональную амбивалентность и требует специального разъяснения. Вместе с тем отчасти компаративная семантика конструкции также может быть выведена и из широкого контекста – предшествующих реплик диалога, в ходе которого существующая школа выводится на позицию стандарта по основанию ‘величина’.

(4) *Даи школа?*

Школа большая?)

И, даи, тахандэ, гучи бади даи школава гэлипу.

гучи бади даи школа=ва гэли=пу
 еще очень большой школа=ACC желать=PRES.1PL
 ‘Да, большая, светлая, но нам нужна еще большая школа’ [Ангина 2005: 8].

Следующий пример показывает, что контекст и пресуппозиция могут играть ключевую роль и в специфичных конструкциях, если исходная структура предстает в редуцированном виде. Общая тенденция к редукации проявляется, в частности, в структурах вида $N_{Nom}^{CMPR} Adj^{PRM} N_{Instr}^{STAN} V_f$, где компаративная семантика выявляется через порядок и падежное оформление компонентов. В контексте (5), заключающем в себе две компаративные конструкции, редукации последовательно подвергаются стандарты сравнения – имена в инструментальном падеже. Состав этих двух предложений, таким образом, сводится к местоимению или существительному в именительном падеже и прилагательному в его базовом виде – ни один из членов не несет на себе показателей сравнения; не выполняет соответствующей функции и усеченная синтаксическая структура. Значение сравнения восстанавливается с опорой на поддерживаемое расширенным контекстом представление о ситуации противостояния, а также

на синтаксический параллелизм двух следующих друг за другом предложений, ставящий описываемые ими исходы в оппозицию друг к другу. Прилагательное при этом не осложняется суффиксом *-дума / -думэ*, который послужил бы дополнительным указанием на компаративную семантику конструкции.

(5) *Си маңга осини, мапава вāзилас-ма* [Суник 1985: 67].

си маңга осини мапава вāзи=ла=с-ма
ты сильный если старик=ACC убить=FUT=2.SG-PRТCL
'Если ты сильнее, старика убьешь' [Там же: 119].

(6) *Ти мапа маңга осини, симбэ вāзила-ма* [Суник 1985: 67].

ти мапа маңга осини симбэ вāзи=ла-ма
тот старик сильный если ты=ACC убить=FUT-PRТCL
'Если тот старик сильнее, тебя убьет' [Там же: 119].

Смешение носит особо выраженный характер на границе между элативом и суперлативом. Частотны случаи, когда даже с опорой на окружающий контекст представляется затруднительным однозначно определить семантику конструкции, включающей в себя сочетание «наречие меры и степени + прилагательное», как элативную или суперлативную. Так, в диалоге (7) интерпретация второй фразы зависит от истолкования намерений участника коммуникации, дающего ответ на вопрос о предпочтительных местах для сбора ягоды: если считать, что он приводит наиболее подходящий, по его мнению, вариант, следует расценивать конструкцию как суперлативную, если же исходить из предположения, что говорящий просто называет один из вариантов, подходящих под приведенный в первой реплике критерий, элатив представляется более органичным средством для передачи подобного сообщения. Можно предположить, что при устном общении значительную роль при разграничении одноструктурных конструкций такого рода играет интонационное оформление.

(7) *Када хэвэн тэс ларги ба седехувэ-дэ гаву, сугдатава-дэ бутаву.*

Када хэвэн тэс ларги ба седеху=вэ-дэ га=ву
Кади озеро очень хороший место ягоды=ACC-PRТCL собирать=INF
сугдата=ва-дэ бута=ву
рыба=ACC-PRТCL ловить=INF
'Озеро Кади считается у нас самым замечательным местом и для сбора ягод, и для ловли рыбы' [Ангина 1993: 12].

В контексте (8) представлен пример, для корректного толкования которого необходимо учитывать жанровую принадлежность текста – фольклорного произведения, ульчской сказки *ниңма*. Приведенный фрагмент относится к финалу повествования, где богатырь приходит к счастливому исходу после перенесенных испытаний и одержанной победы. Прочтение словосочетания *чү дәи заңги* как единицы с суперлативной семантикой в противоположность элативной соответствует представлению о высокой награде, почестях, которых достоин фольклорный герой в конце своего пути. В данном случае выбор интерпретации обусловлен характерными особенностями, присущими жанру произведения.

(8) *Мэргэ ти хотонду чү дәи заңги очин* [Суник 1985: 88].

мэргэ ти хотон=ду чү дәи заңги о=чи=н
молодец тот город=DAT очень большой начальник стать=PAST=3SG
'Молодец в том городе самым большим начальником стал' [Там же: 143].

Аналогичным образом в тексте другой сказки то, что в словосочетании *чү дәи эзэмбэни* утверждается наивысшая степень признака ('к самому большому хозяину'), следует из оценки замысла героя как смелого и масштабного, а также некоторых сюжетных элементов, косвенно указывающих на статус персонажа.

(9) *Чү дәи эзэмбэни вэңдэми, хагдунтини ири.* [Суник 1985: 94].

чү дәи эзэм=бэ=ни вэңдэ=ми хагдун=ти=ни и=ри

очень большой начальник=ACC=POSS.3 говорить=PrP дом=LAT=POSS.3 входить=PRES.3SG
'К самому большому хозяину (царю), чтобы сказать, в дом его входит' [Там же: 150].

Заключение

Исследование ульчской системы средств выражения сравнительных отношений неравенства в сопоставительном аспекте позволило нам не только точнее обрисовать структуру данного поля, но также дополнить сведения о грамматической системе. Выводы об отсутствии в ульчском языке сформировавшейся морфологической категории степени сравнения у прилагательных подтвердились, однако явное сходство между наборами единиц, более или менее регулярно применяющихся в качестве маркеров отношения в сравнительных конструкциях в различных тунгусо-маньчжурских языках, свидетельствует о существующей тенденции к формализации. Недостаток в ульчском языке специализированных показателей разных типов семантики (компаративной, суперлативной и элативной), их функционально-семантическая диффузность обуславливают важную роль расширенного контекста, выходящего за рамки конструкции, для уточнения типа передаваемого отношения.

Предполагаемый переходный характер системы адъективного словоизменения, зафиксированной в текстах, которые были собраны исследователями преимущественно в 30-х–90-х гг. XX в., указывает на перспективность дальнейшей разработки темы на современном языковом материале.

Список сокращений

1 – 1-е лицо деятеля ('я', 'мы'); **2** – 2-е лицо деятеля ('ты', 'вы'); **3** – 3-е лицо деятеля ('он', 'она', 'оно', 'они'); **ABL** – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **CMPR** – предмет сравнения; **CV** – деепричастие; **DAT** – дательный падеж; **f** – финитная форма глагола; **FUT** – будущее время; **INF** – инфинитив; **INSTR** – инструментальный падеж; **LAT** – направительный падеж; **NOM** – именительный падеж; **PAST** – прошедшее время; **PL** – множественное число; **POSS** – принадлежность; **PRES** – настоящее время; **PRM** – параметр сравнения; **PRMM** – показатель параметра сравнения; **PrP** – причастие настоящего времени; **PRTCL** – частица; **SG** – единственное число; **STAND** – стандарт сравнения; **STM** – показатель стандарта сравнения.

Список литературы

- Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Том I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 284 с.
Аврорин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 400 с.
Ангина С. В. Ульчско-русский тематический словарь. СПб., 2005. 38 с.
Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
Горбунова В. А. Способы выражения сравнения в ульчском языке // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 286–299.
Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
Кормушин И. В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998. 320 с.
Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 244 с.
Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 688 с.
Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Часть вторая: Морфологические значения. Москва – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
Озолина Л. В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. 375 с.
Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 168 с.
Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 154 с.

- Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
- Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
- Сагайдачная А. О. Способы выражения сравнительных отношений в удэгейском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 88–97.
- Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
- Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Часть 1. Л.: Учпедгиз, 1947. 270 с.
- Kazama S. *Ulcha Oral Literature 2. A collection of texts*. ELRP Publication Series, 2002, 128 p.

References

- Angina S. V. *Ul'chsko-russkiy tematicheskiy slovar'* [Ulch-Russian thematic dictionary]. St. Petersburg, 2005, 38 p. (In Russ.)
- Avrorin V. A., Boldyrev B. V. *Grammatika orochskogo yazyka* [Grammar of the Oroch language]. Novosibirsk, SB RAS, 2001, 400 p. (In Russ.)
- Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Leningrad, AN SSSR, 1959, vol. 1, 282 p. (In Russ.)
- Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 932 p.
- Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategoriy i aspektologicheskie issledovaniya* [The theory of morphological categories and studies on aspect]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, 624 p. (In Russ.)
- Gorbunova V. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v ul'chskom yazyke [Ways of expressing comparison in the Ulch language]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2023, no. 2, pp. 286–299. (In Russ.) DOI 10.17223/18137083/83/22
- Kazama S. *Ulcha Oral Literature 2. A collection of texts*. ELRP Publication Series, 2002, 128 p.
- Kormushin I. V. *Udykheyskiy yazyk* [The Udege language]. Moscow, Nauka, 1998, 320 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. *Okhotskiy dialekt evenskogo yazyka* [The Okhotsky dialect of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1982, 244 p. (In Russ.)
- Lebedev V. D. *Yazyk evenov Yakutii* [Language of the Even people of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1978, 208 p. (In Russ.)
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 688 p. (In Russ.)
- Mel'chuk I. A. *Kurs obshchey morfologii. Chast' vtoraya: Morfologicheskie znacheniya* [General morphology course. Part two: morphological meanings]. Moscow – Vienn, LRC Publishing House, Venskiy slavisticheskiy al'manakh, 1998, 544 p. (In Russ.)
- Ozolinya L. V. *Grammatika orokskogo yazyka* [Grammar of the Orok language]. Novosibirsk, Geo, 2013, 375 p. (In Russ.)
- Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1941, 168 p. (In Russ.)
- Petrova T. I. *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulch dialect of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1936, 154 p. (In Russ.)
- Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Language of the Orok (Ulta) people]. Leningrad, Nauka, 1967, 156 p. (In Russ.)
- Plungyan V. A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology. An introduction to the problem field]. Moscow, Editorial URSS, 2000, 384 p. (In Russ.)
- Sagaydachnaya A. O. Sposoby vyrazheniya sravnitel'nykh otnosheniy v udegeyskom yazyke [Ways of expressing comparative relations in the Udege language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2022, no. 2 (39), pp. 88–97. (In Russ.)
- Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, Nauka, 1985, 264 p. (In Russ.)
- Tsintsius V. I. *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [A study on the grammar of the Evenki (Lamut) language]. Leningrad, Uchpedgiz, 1947, pt. 1, 270 p. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal declension]. Moscow, Nauka, 1967, 370 p. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.11.2024*

Сведения об авторе

Виктория Александровна Горбунова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: vicgor89@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2968-236X

Information about the author

Viktoriya A. Gorbunova – Candidate of Philology, Researcher, Department of Languages of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: vicgor89@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2968-236X